

Исполняющий желаний

Ирина Щеглова

Ирина Владимировна Щеглова

Исполняющий желаний

Серия «Большая книга ужасов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477136

Эксмо; 2024

Аннотация

Рассказывают, на святках можно не только гадать на суженого, но и вызвать самого черта. Если его правильно поймать и как следует припугнуть – он выполнит все твои желания! Звучит глупо, не спору. Но нам с девочками было скучно. Мы соорудили ловушку... а она взяла – и сработала. Жаль только, мы понятия не имели о том, что произойдет дальше. Никто не предупредил, как опасно шутить со злом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ирина Щеглова

Исполняющий желаний

Глава 1

Фирма веников не вяжет

Семья была большая, дружная, веселая. Бывало, идешь мимо двора, а у них работа кипит – переговариваются, шутят, песни поют.

Забор у них – одно название; палисадник маленький – так, чуть цветков под окнами. Зато уж хозяйство – каких поискать. Тут тебе и сараи, и кухня, и склад дровяной. А все строят чего-то; сам с сыновьями на лесах – молотками так весело постукивают, смеются, здороваются, завидев знакомых, на чай зовут.

Спорится работа у них. Скоро крышу возвели под конек; а на коньке эдак гроб приладили – вроде вывески у них. Мастерскую они расширили, семейное дело – гробовщики.

Вот и меня тоже зазвали. Хозяйка ласково окликнула:

– Глаша! Что ж ты все мимо проходишь, зашла бы...

Двор у них широкий, чистый, вкусно пахнет свежеструганым деревом.

– Присаживайся, – улыбается хозяйка, обмахивая фарту-

ком скамью у самодельного стола – отшлифованные сосновые доски, смолистый дух от них идет. Если бы не гроб над головой на крыше, совсем бы уютно и хорошо, но мысль неотступная: из этих досок мастерят веселые хозяева домовины – последний приют для человека.

– Давно приехала? – вопрошает радушная хозяйка, расставляя на столе угощение, блины да мед. – Как здоровье бабушки?

– Спасибо, хорошо...

У стола собирается все семейство, здороваются, улыбаются, рассаживаются, хозяйка разливает чай.

– Смотрю, заневестилась ты, – замечает мать семейства. – Замуж собираешься ли?

– Что вы, мне еще рано...

Она как будто не слышит меня:

– А мы как раз нашему младшенькому ищем жену, – и кивает на «младшенького», ражего детинушку, косая сажень в плечах, румянец во всю щеку. – Чем не жених тебе? – нахваливает.

Мне неловко, я хочу выйти из-за стола, но радушные хозяева удерживают, добиваются ответа. Обещаю подумать и бегу к воротам. «Жених» догоняет, вызывается проводить.

Мы идем по улице, и мне кажется, я знаю его миллион лет, но спроси, как зовут, – не помню.

Он неторопливо рассказывает об отце и новом доме, о всяких семейных делах, о предстоящей свадьбе, о том, как

мы будем с ним жить, его мать научит меня делать позумент и плести гробовую кисею. Я слушаю, слушаю – и такая тоска меня берет!

Жених норовит взять меня за руку – вроде бы ничего не значащий жест, но он пугает меня, и рука его, и само прикосновение вызывают ужас и отвращение, и сам он – темная глыба, надвигающаяся на меня, лишаящая воли и воздуха...

Закрываю глаза, затыкаю уши и приказываю себе – беги!

Рву с места и удираю прочь, не разбирая дороги.

Не хватает воздуха, стебли травы оплетают ноги, я задыхаюсь и падаю, захлебываясь криком.

Открываю глаза. Сердце готово выскочить через горло.

За оттаявшими окнами серенький рассвет, оттепель.

Сажусь на диване, туплю пару минут.

Приснится же такое...

Глава 2

Скука по-деревенски

Днем второго января завьюжило, снег повалил густо, рывками, будто кто лопатой швырял. На улицу носа не высунуть, собаки в будки попрятались, коты на лежанках спали свернувшись.

До вечера просидели у подруги Раечки под бормотание телевизора. Показывали старые сказки: на одном канале – «Морозко», на другом – мультфильм «По щучьему веленью». Раечка старше меня на год, но, глядя на нас, можно подумать, что и на три. Потому что она высокая, крупная, смуглая и очень рассудительная. Но иногда и Раечка любит пошутить.

– Жених снился на новом месте? – спросила.

– Ага, завидный, сын гробовщика, – ответила я, заставив себя рассмеяться: воспоминание о сне неприятно царапнуло в груди.

– Ого! Богатая будешь! – обрадовалась Раечка. – Ты его узнала? Какой он из себя?

– Первый раз вижу!

– Значит, не наш, – вздохнула подруга.

– Ваш, не ваш... Знаешь, меня этот сон ужасно напугал, очень неприятный, не хотела бы я, чтоб у меня такой жених

был.

– Так, может, это про будущее?

– Спасибо, не надо! Вспоминать и то противно.

– Ну, не хочешь, как хочешь, – согласилась подруга. И спросила неожиданно: – Пойдешь с нами колядовать?

Я ответила не сразу. К вечеру на улице подморозило, мы смотрели в темное окно, за которым ни зги не видно, и наблюдали, как мороз вышивает серебром сверкающие узоры по черному бархату.

– Что делать? – переспросила.

Она взглянула удивленно, потом чуть заметно усмехнулась:

– Городская! Никогда не ходила, что ли?

Я понурила голову и притворно вздохнула:

– Нет...

– Так ты... чем щи хлебают, – она покровительственно похлопала меня по плечу. – На Рождество собираемся все толпой и ходим по домам, колядки поем, Христа славим, а нам за это хозяева конфет насыпают и денег дают. – Раечка запнулась: – Денег не сильно много, мелочь, зато еды всякой – завались! Мы в прошлом году мешок набрали, потом до конца каникул ели! У Сереги ухо заболело, у меня зубы. – Она засмеялась. – Я карамельки очень прилюбляю.

– А я шоколад...

Раечка отмахнулась:

– Я же говорю – что с тебя взять...

– Да ладно, хватит тебе, – я тоже рассмеялась. – Гоголя все читали. У нас в школе спектакль ставили «Вечера на хуторе близ Диканьки».

– А! – вспомнила Раечка. – Я по телику видела кино.

– Кстати, можем завтра в кино с тобой сходить, – предложила я.

– Ничего интересного, – вздохнула Раечка. – Пойдем лучше на горку. Там все наши собираются.

– Хорошо... – согласилась я.

Какая разница, куда идти, лишь бы дома не сидеть.

– Гадать будем, – мечтательно пропела подруга, забрасывая руки за голову. – А то еще знаешь, – она понизила голос, – черта будем ловить, вся нечистая сила в Рождество бежит с земли сломя голову, а сейчас для нее самое время – куролесит, – Раечка многозначительно кивнула. – Но не всем удастся сбежать, – она перешла на шепот и склонилась ко мне: – Некоторые застревают, если кто сено косил на Ивана Купалу, да с приговором, под Рождество в это сено можно загнать нечистого, он запутается, и тогда любое желание загадаешь ему – выполнит!

– Звучит жутковато, – призналась я.

Раечка ухмыльнулась:

– Да ладно... это же сказки.

Я неуверенно улыбнулась в ответ.

А на улице меж тем наступила глухая тьма.

Интернет в деревне медленный – только за смертью по-

сылать. И компьютер один, к нему старший брат строго-на-строго прикасаться запретил. Только при нем и по делу.

Крутили мой смартфон, пока на нем деньги не кончились. Делать совсем нечего.

– Я хотела найти какие-нибудь гадания.

– О, нашла где искать! – Раечка вскочила с дивана и, порывшись в тумбочке колченогого стола, нашла толстую тетрадь в черном коленкоровом переплете.

– На, читай, – сказала, усмехнувшись, – это прабабкаина, там и заговоры, и сны, и гадания – все есть.

Я осторожно раскрыла тетрадь и погрузилась в густоисписанные страницы, пытаюсь разобрать убористый почерк Раечкиной прабабушки.

Заговоры от сглаза и порчи, от сухотки, трясунца, «чтоб личико было красно» – рассмешило: интересно, зачем кому-то может понадобиться красная физиономия?

– Ой, да ладно! А то не знаешь, – усмехнулась Раечка. – Красно – значит красивое.

– Знаю, но все равно смешно, сейчас так не говорят.

– Конечно не говорят, старинные заговоры-то! – возмутилась подруга. – Ты лучше гадания смотри, – она подмигнула. – А хочешь, приворот на парня сделаем?

Я отмахнулась:

– Да ну их! Потом не отвяжешься.

– А! Это потому, что ты не влюблена, – со знанием дела кивнула Раечка.

– Ты, между прочим, сама ушла от темы, – я ловко увернулась, как мне показалось. – Расскажи, какие самые интересные гадания?

Подруга взглянула многозначительно:

– Самые интересные – это когда у самого черта спрашиваешь.

– Ого! С чего ты взяла, что он тебе ответит? Он же главный лжец! Соврет – недорого возьмет.

Раечка усмехнулась:

– А вот есть способы! Если его поймать, да так, чтоб он не смог вырваться, да припугнуть – вот тут он тебе все и выложит, чего ни попросишь – выполнит! – Она медленно кивнула: – Любые желания!

Я не поверила:

– Держи карман...

Раечка склонилась и произнесла таинственно:

– У нас одна девчонка вызвала чертенка, он ей все сделал – и оценки, и новый самртфон, и еще там много всего...

Я также таинственным шепотом спросила:

– Как ее зовут?

– Люська... ты ее все равно не знаешь, – помявшись, ответила Раечка. И добавила, спохватившись: – И другие тоже...

Я покачала головой, листая страницы тетради, нашла заголовок: «Гадания». Попыталась разобрать бабушкины каракули:

Ежели девица пожелает судьбу свою угадать, то следует ей во время Святков скликать подруг и в полночь, выйдя за ворота, узнать у прохожего имя; как оный станет себя наименовать, таково и имя суженого девице той будет.

Тако ж, имя нареченного жениха или тайного любушки вопрошают у домового, взойдя в овин, вставши под стрехой и трижды выкрикивая: «Дедушко, дедушко, скажи заветно имечко!»

О доле своей гадают, поймав куру пестру, связав ей лапы да пустив на стол. На столе-то по углам вода, пишено, кольцо обручально да зеркало.

Вот как станет кура зерно клевать – так девице в богатстве да в достатке жить.

А коль в воду кура клюв сует – так с пьяницей горьким век вековать.

Кольцо обручально – замуж в этом году пойдет.

В зеркало кура глядится – муж гуляка неверный будет.

– Забавно, конечно, можно попробовать, только это все сказки – и кто нам разрешит курицу в дом тащить? – спросила я у Раечки.

– А мы не в дом, мы на веранде, – легко нашла выход она. – Но за курицу мамка может заругать. – И вздохнула.

– А без курицы? Я слышала, на кофейной гуще гадают, на чайной заварке. Может, на картах кто умеет? А еще мама рассказывала, как они, когда студентами были, духов вызы-

вали.

Раечка заинтересовалась:

– Да ну?! С блюдцем, что ли?

– Точно! – обрадовалась я. – Спиритический сеанс, от английского spirit – дух. Они писали алфавит на большом листе бумаги по кругу, в центр круга ставили блюдце вверх дном, рисовали стрелку, и все участники должны были касаться двумя пальцами блюдца и вызывать духа, – для убедительности я произнесла внутриутробным голосом: – Дух Пушкина явись нам!

– Ух ты! – восхитилась Раечка. – А почему Пушкина?

– Ну, тогда все Пушкина вызывали, наверное, думали, что он все знает.

– И что, приходил?

– Не знаю, – я пожалала плечами, – мама не говорила.

– Короче говоря, старинные заговоры лучше работают, – сделала вывод подруга. Пойдем что покажу. – И она повела меня в комнатку за печкой, где стояла ее кровать.

Включив свет, Раечка подошла к кровати, присела на корточки, заглянула под свисающее покрывало и поманила меня пальцем.

Я тоже заглянула под кровать и увидела странное сооружение – на низкой скамейке лежала объемная книга, между страницами была пропущена толстая нитка, нижний конец ее был опущен в стеклянную пол-литровую банку, рядом лежали крышка и ножницы.

– Что это? – удивилась я.

– Ловушка, – таинственно улыбнулась Раечка. – Вчера поставила, всю ночь ловила, но не пришел.

– Кто?

– Да чертенок же! – торопливо ответила она. – Вот смотри, нитку пропускаем между страницами, один конец – под подушку, другой – в банку, на ночь произносим трижды: «Чертик, чертик, появись, вокруг света обернись...»

– Да ну, ерунда, – засомневалась я. – С чего бы ему являться...

– А с того! – горячо зашептала Раечка. – Он маленький и глупый, его легко обмануть. Вот он вылезет из-под подушки, начнет спускаться по нитке, тут надо быстро произнести желание и отрезать нитку: он в банку плюх, я крышкой чпок, и все!

Я слушала и хлопала глазами:

– Рай, а зачем ему по нитке спускаться, и книга еще, он через страницы ползет? По-моему, ты что-то неправильно делаешь...

– Много ты понимаешь! У нас все так делают!

– И кто-нибудь поймал?

– Кто ж признается! – хохотнула она. – Нет, по-тихому банку в погреб спрячут и пользуются. Но люди сразу замечают, – она многозначительно кивнула, – если кто разбогател быстро или повезло: вдруг, смотришь, дом начали ремонтировать, или строиться, или гараж, новая машина – откуда что

взялось. А оно известно откуда – от черта!

– Жуть!

– А ты думала... Вот я и хочу мамке и батьке помочь, чтоб хоть немного полегче, они же зашиваются. Старшая сестра развелась, жить негде, да еще с дитем, брат тоже неприкаянный, я когда еще школу окончу!

– Раечка, да я понимаю, но не у черта же просить...

– Не просить! Потребовать в обмен на свободу, понятно?!

Под кроватью в пыльном сумраке таинственно поблескивала выпуклым боком стеклянная банка. Мне показалось или на самом деле, но внутри банки прятался еще более густой клубок мрака...

– Раечка, а почему ты банку не закрыла? – спросила я, и голос мой предательски дрогнул.

Подруга внимательно посмотрела на меня и не сразу ответила:

– Так ведь он же не пришел...

Мы на мгновение замерли, глядя в глаза друг другу и наливаясь холодным ужасом. Не выдержали и с визгом выскочили в дверь.

Упали на диван в большой комнате.

– Ты чего? – спросила Раечка, тяжело дыша.

– А ты чего? – У меня стучали зубы...

В прихожей стукнула дверь.

Мы одновременно взвизгнули, зажмурились и прижались друг к другу.

– Рая! – раздался знакомый голос, послышались шаги. Подруга облегченно вздохнула. Мы открыли глаза и уставились на дверной проем.

– Ты дома? – зачем-то спросила Раина мама, заглядывая в комнату.

Я поздоровалась. Она кивнула:

– Здравствуй, Глаша. Ужин приготовила? – обратилась к дочери. – Сейчас отец придет.

– Картошку сварила, – отозвалась Раечка, проворно вскочила и побежала на кухню.

Я догнала ее у печки:

– Ладно, пойду я, не буду мешать.

– Ага, до завтра... Приходи на горку.

Глава 3

На крыше

От Раечкиного дома до нашего – три двора пройти. Новогондюю слякоть скрепило морозом, припорошило снегом – хорошо! Вдоль заборов, посыпанная битым кирпичом и золой, – отличная тропинка.

Из окон оранжевый свет, и гирлянды мигают, на тропинке причудливые длинные тени, дальше по улице одинокий фонарь. Изредка лают собаки, глухие заборы, ни одного человека навстречу.

Казалось бы, чего бояться? Но почему-то чудится среди теней движение, мерещатся злобные маски, припавшие к старым доскам забора, среди мельтешения огоньков гирлянд вдруг вспыхивают адским пламенем красные глазища.

Какая я впечатлительная...

Иду и стараюсь шутить сама с собой. Ведь глупо же быть такой трусихой...

Треснула ветка, что-то шмыгнуло в темноте из-под ног, резкий короткий вопль.

Ноги стали ватными, я так и села в сугроб.

С забора на меня пялился соседский котище.

– Васька, ты что, офигел?! – погрозила ему кулаком и вылезла из сугроба.

Побрела дальше, отряхиваясь и ругая себя. Кот проводил меня гневным взглядом. С его точки зрения – это мы, неуклюжие люди, вечно попадаемся под лапы и мешаем жить.

Вот он – наш дом. Дотянулась рукой, повернула деревянную щеколду, отворила калитку. Во дворе темно. На веранде лампочка не горит. Только окна в большой комнате чуть подсвечивают – телевизор работает.

Ошибиться трудно – дорожка бетонная до самого крыльца.

Я уже поднялась по ступенькам, взялась за дверную ручку, как вдруг... Я посмотрела налево, просто так, машинально, сама не знаю зачем – мы часто не можем объяснить свои поступки, тем более такие незначительные.

Я чуть повернула голову и посмотрела...

В глубине двора у нас летняя кухня, небольшой домик – одна комната с печкой и окошком, остроконечная крыша, под стрехой ласточкино гнездо, на чердаке сено. Так чудесно было спать на летнем сеновале, так прямо пахло сухими травами, продубленными солнцем!..

Картинки воспоминания пронеслись мгновенно.

На крыше кто-то сидел, на самом ее коньке. На ночном небе отчетливо проступало темное пятно, очертаниями напоминающее то ли крупную птицу, то ли кота, тоже не мелкого.

Поморгав, я посмотрела еще раз – никого.

Но почему-то стало страшно, спина похолодела, как будто

там, прямо за мной, стоял кто-то и сверлил недобрым взглядом... Чужое ужасное присутствие ощущалось так отчетливо: еще мгновение – и нечто жуткое прикоснется, схватит, уволочет в ночь, в темень непроглядную, туда, откуда нет возврата...

Охваченная ужасом, почти лишенная воли, я толкнула дверь и, ввалившись в сени, захлопнула ее за собой, лязгнула засовом, прижалась спиной... Сердце бухало по ребрам, вот-вот выскочит, ноги ватные.

Отдышалась, бормоча:

– Вот дура, чего испугалась... нет там никого...

* * *

Бабушка сидела у стола и читала книгу. Подняла голову на звук шагов и открывающейся двери:

– Глаша?

– Я... – Сбросила ботинки, повесила куртку. – Ба, тут совы живут?

Она подняла голову, поправила очки:

– Живут, конечно.

– А зимой?

– И зимой, – ответила бабушка. – Они спать не ложатся.

Понятно: значит, я видела крупную сову или филина. Они же ночные птицы, бесшумные, летают неслышно.

В большой комнате приглушенно бормочет о чем-то по-

лусонный телевизор. Дед ушел спать и забыл выключить.

Я стелю себе на диване, но спать не хочется, еще и десяти нет. По одному из каналов идет невнятный ужастик без начала и конца. Хорошо, что я скачала заранее несколько книг, к тому же в недрах шкафа живут древние романы в темных переплетах с пожелтевшими страницами и роскошными иллюстрациями – трепетные красавицы в шелках и бархате, кавалеры в камзолах и шляпах с перьями, битва индейцев с ненавистными бледнолицыми, рыцарский турнир, несущиеся всадники с тяжелыми копьями наперевес...

Полустертые тиснения имен: Фенимор Купер и Жорж Санд, Александр Дюма и Роберт Льюис Стивенсон, Вальтер Скотт и Джек Лондон... Их всего несколько десятков, но они потрясающие!

Может быть, Гоголя?

Нет, почти наизусть знаю.

Трогаю пальцами корешки, вытаскиваю наугад:

А. К. Толстой «Избранное». Открываю и читаю – «Упырь».

Как раз соответствует настроению.

Бал был очень многолюден. После шумного вальса Руневский отвел свою даму на ее место и стал прохаживаться по комнатам, посматривая на различные группы гостей. Ему бросился в глаза человек, по-видимому, еще молодой, но бледный и почти совершенно седой...

Непривычный текст, как бы нарочно замедленный, изобилующий мелкими деталями и подробностями, устаревшие слова и выражения – мне приходилось вчитываться, я старалась представить себе бал и бледного Рыбаренко с его жутковатым рассказом о мертвецах, затесавшихся меж живыми.

– Смотрите-ка, как смешно прыгает этот офицер, – сказала толстая девица. – Эполеты так и бьют по плечам, того и гляди пол проломает...

Я рассмеялась, потому что плясун был очень маленького роста, а подпрыгивал как кузнечик, все выше и выше.

Руневский танцевал с Дашей, толстую девицу пригласил маленький офицер, все кружились, и люди, и вампиры, мелькали лица, подрагивало пламя свечей, вспыхивали бриллианты, и все двигалось, шуршало, пламенело.

Бал меня отвлек, а ведь я должна была предупредить Дашу, чтоб она ни в коем случае не соглашалась ехать на дачу к Бригадирше!

Погасли свечи, умолкли скрипки, остановилась бешеная пляска, я потеряла из вида Дашу и Руневского – что теперь с ними будет?

Разъезжались усталые гости.

Глухая полночь, меня давно ждут дома, волнуются.

Бегу по темной заснеженной улице – вот наш дом, окна веранды светятся, толкаю дощатую калитку.

Крышка гроба, прислоненная к штакетнику у крыльца, ка-

жется алой. Нашитое из белых полосок ткани восьмиконечное распятие резко выделяется на этой пронзительной красноте. Три ступеньки, у средней незакрепленная доска, много раз чиненая.

Женщина стоит передо мной в потоке электрического света, бьющего с веранды, – загорелая, черноволосая, в красной кофте с глубоким декольте и узкой черной юбке, широко и весело улыбается мне, спрашивая: «Кто там?»

– А вы кто?

– Своя!

Присматриваюсь, но никак не могу вспомнить... Дальняя родня, что ли...

– А гроб во дворе зачем? – недоумеваю я.

Неизвестная делает серьезное лицо и тихо сообщает:

– Недолго осталось...

– Кому?

– Всем!

– Простите, что вы несете?! Кто вы такая?! Я вас не знаю, так что убирайтесь отсюда, и гроб свой прихватите.

Она как ни в чем не бывало идет на веранду и продолжает орудовать у плиты. Несколько ошалев от ее наглости, вхожу следом:

– Что вы делаете?

– Поминальный обед.

– Еще чего! – возмутилась я. Схватила ее за руку и потащила вон из дома.

Она и не сопротивлялась, только посмеивалась.

Сошла с крыльца, но направилась почему-то не к калитке, а во двор, к сараю.

– Эй! – крикнула я. – Пошла вон отсюда!

А она будто не слышала. Шмыг к лестнице – и мгновенно взлетела на сеновал, мелькнула алым пятном и юркнула под крышу.

Я бросилась за ней, поднялась по лестнице, дернула дверь – заперта изнутри.

Кулаком стукнула:

– Немедленно выходи!

Прислушалась – тишина. Но как будто дымом потянуло.

– Да ведь она там пожар устроила! – испугалась я. – Сарай сожжет и сама сгорит!

Густой дым полез из щелей меж досками сеновала.

Я закашлялась и открыла глаза.

Снова скверный сон, значит...

Глава 4

На горке

Морозный рассвет в окно; солнце в сверкающей дымке, запуталось в ветвях вишен, снопы колючих лучей, сквозь разрисованные инеем стекла.

Я зажмурилась. Вылезать из-под одеяла не очень-то хочется, повернулась на бок, как вдруг вчерашняя книга соскользнула с дивана и глухо стукнулась об пол.

Бабушка в соседней комнате растопила печь, слышно, как потрескивают дрова, позвякивает посуда.

Надо вставать.

В умывальнике ледяная вода, стою, поеживаясь.

– Ты чего же без тапок, – беспокоится бабушка, – ну-ка, обуйся! – и подсовывает мне войлочные шлепанцы.

На печи кастрюлька – в ней пшенная каша, розовая от томления. К каше положены яйца вкрутую, да еще бабушка затевает жарить гренки из батона.

Дед выходит из своей комнаты, спрашивает, хочу ли я какао. Когда я была маленькая, он мне сам варил его. Но я какао не хочу, мне бы проглотить завтрак – и к друзьям, на горку.

За ночь снегу намело – из дома не выйти.

Мы с дедом, вооружившись лопатами, расчистили двор и

дорожку к калитке и за калиткой. Наметали по краям стены снежные.

По улице трактор проехал, протащил две покрышки следом, утрамбовал дорогу, чтоб машины не вязли.

Часам к десяти управились.

– Ба, я с ребятами! – крикнула от дверей.

Санки детские, старые, полозья проржавели. Ну да ладно. Бегу на горку, а там уж наши все собрались, мальчишки ведра от колонки таскают, утаптывают снег, заливают водой. Расквасили в снежную крупчатую кашу, но мороз с утра знатно прихватывает, быстро обледенеет горка.

– О, гляди-ка, уже санки притащила! – Увидев меня, Колька захохотал, за ним и остальные стали посмеиваться.

– Ладно, чего вы, – прикрикнула Раечка. – К вечеру хорошо схватится, раскатаем.

– Привет всем, – поздоровалась я, чуть запыхавшись. – Да они негодные, наверно, – кивнула на санки, – притащила просто так.

Здоровяк Юрец выхватил у меня веревку от санок:

– Ладно, дай-ка сюда, мы их шас враз починим! – И потащил на склон, там, где покруче, упал животом, оттолкнулся руками и ногами, ребята бросились помогать. Санки пошли медленно, юзом, скрипели полозья, оставляя на белоснежном снегу ржавые следы.

Я подошла к Раечке. Она с девчонками – соседкой, насмешливой хорошенькой Валюшкой и тихоней Ксюшей, что

живет за оврагом, – сидела на лавке у деревянного стола. Валюшка рассказывала что-то веселое, Раечка переплетала Ксюшину каштановую косу.

Кивнула им, здороваясь, придвинулась к подруге и спросила негромко:

– Слушай, я тут думала насчет твоей ловушки...

– Да ну ее, – Раечка поморщилась. – Убрала и банку помыла на всякий случай...

– А... – протянула я разочарованно. – Знаешь, кажется, до меня дошло, как ее правильно сделать.

Девчонки наострили уши.

– Больше двух, говори вслух, – потребовала Валюшка.

Раечка покосилась на меня и хмыкнула:

– Да ничего особенного, обсуждаем ловушку для чертенка.

Девчонки заинтересовались.

– Это какую? – переспросила Валюшка. – Я знаю, моя бабушка в юности как-то по-особому травы сплетала в ночь на Ивана Купалу, там еще заговор специальный нужен...

Ксюша испуганно ойкнула:

– Охота вам с нечистой силой связываться!

– Да никто не связывается, – отмахнулась Раечка, – мы просто так болтаем.

– И просто так не надо, – тихо попросила она, – сейчас самое глухое время, разгул всякой нечисти.

– Выдумаешь тоже! – хохотнула Раечка. – Бабкины сказ-

ки! А как же гадания всякие, рождественские и крещенские? Всегда все у нас гадали – и бабки, и мамки.

– Так то на Рождество, – попыталась оправдаться Ксюша.

– Да чего ты трусишь? – удивилась Валюшка. – У каждого сено с лета припасено, и косили все в одно время – на Купалу, вот уж где черти попрятались! – И она рассмеялась.

Тут я вспомнила, что хотела рассказать:

– Девчонки, подождите, я насчет сена не знаю, а вот ловушка с банкой, когда чертик по нитке в нее спускается – мне кажется, там все дело в книге...

– А, ты про это, – вспомнила Валюшка. – Я в прошлом году хотела поймать, утащила у бабки Библию, так она узнала и выдрала меня.

Раечка покрутила пальцем у виска:

– Ты совсем ку-ку, это же священная книга!

– Так я и подумала... – начала было Валюшка.

– Выдумала тоже! – У Ксюши от страха побелели щеки. – А если бы тебя Бог наказал?!

– Чей-то?! – Валюшка хоть и храбрилась, но тоже испугалась. – Я ж просто пошутила!

Мальчишки с криками и гиканьем носились с горки на моих разваливающихся санках. Захотелось к ним, прокатиться вниз со свистом в ушах, вывалиться в снегу, с хохотом и визгом.

Но мысль о ловушке накрепко засела в голове и не отпускала:

– Библия тут ни при чем, – сказала я, – надо книгу с заговорами взять и нитку пропустить между страниц. Думаете, раньше ведьмы как чертей вызывали? У них ведь специальные книги были, колдовские, с заклинаниями – гримуары назывались. У каждой ведьмы своя такая была, из поколения в поколение передавалась. Каждая владелица записывала новые заклинания. Вот такую книгу и надо подкладывать в ловушку для нечистой силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.